

М.П. Одесский

АБСУРДИЗМ ДАНИИЛА ХАРМСА И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА (1936 ГОД)

Автор анализирует рассказ Даниила Хармса «Случай» в контексте материалов «Правды» о повседневной жизни и о сталинских процессах. Хармс, почти буквально воспроизводя газетные штампы, создает образ абсурдной сверхреальности.

Ключевые слова: Даниил Хармс, «Правда», тоталитаризм, литература абсурда.

Авангардную прозу Даниила Хармса продуктивно рассматривали как выражение логико-языкового абсурда, мистико-философских исканий, жанровых особенностей «смеховой» поэтики и т. п. Однако, как представляется, столь же оправдан ее анализ в контексте официальной периодики, хотя Хармс не скрывал враждебности ни к советскому обществу, ни собственно к навязчивому газетному дискурсу. В письме актрисе Клавдии Пугачевой (от 16 октября 1933 г.) он декларировал: «...слова могут быть беспомощны и жалки! Я никогда не читаю газет. Это вымышленный, а не созданный мир. Это только жалкий, сбитый типографский шрифт на плохой, занозистой бумаге»¹.

Декларацию Хармса можно понимать буквально – в ряду заявлений разных писателей разных времен, которые дистанцировались от газетной пошлости. Но для советского гражданина эта декларация имеет скорее метафорический смысл. В условиях тоталитарного социума газеты – носитель официального послания всемогущей и всепроникающей власти, которое транслируется в центральной «Правде», вслед за ней – в других СМИ, которое обязательно повторяется в частных разговорах и т. д. Американский славист Джеффри Брукс, обозначая этот идеологический комплекс термином «публичная культура», включавшим «искусство, музыку, литературу, кино, драму, публичные чтения, радио и многое другое», выделял в качестве наиболее показательной формы именно прессу, «партийную газету “Правду”, которую коммунисты 1920-х годов уподобляли по влиянию и авторитету Библии, правительственную газету “Известия”»² и т. п. При таком толковании советской ситуации «не читать газет» – социологически невозможно. Как говорил Остап Бендер в «Великом комбинаторе» – первом варианте «Золотого тельца» (1929 г.): «Людей, которые не читают га-

зет, надо морально убивать на месте. Они никому не нужны»³. И разъяснил экипажу «Антилопы» свое политкорректное мнение: «Теперь я ясно вижу, что попал в общество некультурных людей. Начинаю думать, что никто из вас не получил высшего образования. Во всяком случае, газет вы не читаете. Между тем газеты читать нужно. Кроме общего развития, газеты часто подают гражданам идеи!»⁴.

Другими словами, в советском социуме не-чтение газет – не бытовой факт, но культурный манифест. Формула «не читаю газет» значит «читаю», однако «читаю критически», «читаю, но не принимаю ни в плане содержания, ни в плане выражения»⁵. Именно с этой точки зрения соблазнительно попытаться интерпретировать некоторые поздние авангардные опусы Хармса как критическое чтение газетного текста⁶.

***

Рассказ «Случаи» датирован автором 22 августа 1936 г. Заглавие вполне прозрачно и подразумевает описание ошеломительной череды «несчастных случаев»:

«Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причесываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом и сошел с ума. А Перехрестов получил телеграфом чetyреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

«Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу»⁷.

При имманентном чтении рассказ производит впечатление, свойственное поздней прозе Хармса: сотворен мрачный абсурдный мир, населенный стремительно мелькающими марионетками, которые наделены двумя признаками – фамилией-ярлыком и способностью стать жертвой «несчастливого случая».

Однако, обратившись к газетам, нетрудно обнаружить хронологически близкий аналог хармсовского авангарда, притом совершенно официальный. В номере «Правды» от 15 августа 1936 г., на последней информационной полосе, в рубрике «Происшествия» помещена анонимная статья, озаглавленная «Жертвы неосторожности»:

«Москвичи плохо соблюдают правила дорожного движения. <...> В ночь на 13 августа на пл<ощади> Прямикова при попытке сесть на ходу в трамвай сорвалась, попала под вагон и была убита работница шарикоподшипникового завода О.Д. Зацепина. Прыгая в трамвай на Вальной ул<ице>, упала на мостовую, получив сотрясение мозга и ушибы тела, Е.С. Фомина. На Ленинградском шоссе, при попытке сесть на ходу в трамвай, отрезало ногу В.С. Белову, на Zubовском бульваре – И.В. Печникову. В этот день с ушибами головы, переломами и различными ранениями доставлены в больницы прыгавшие в трамвай С.И. Кобрин, И.С. Алексеев, А.А. Генералов, Н.И. Байков, Г.Т. Листкин, А.И. Гвоздев и Х. Ибрагимов».

Сходство – разительное: то же убыстренное чередование «несчастливых случаев», которые происходят с персонажами, презентированными

фамилией. Кажется, что Хармс, законспектировав газетное сообщение, придал ему авангардный характер при помощи жанрового переключения – снятия информационной рубрики и превращения в самодостаточный текст.

Для интерпретации «Случаев» принципиальна также дата, поставленная автором: с 19 по 23 августа 1936 г. в Москве проходил грандиозный судебный процесс над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и другими бывшими руководителями государства⁸. Процесс освещался в прессе и заранее ею готовился. В частности, первая полоса того же номера «Правды» от 15 августа, где обсуждались «жертвы неосторожности», содержала передовицу «Враги народа пойманы с поличным»:

«Количественно они ничтожны, – успокаивал читателей аноним, чтобы потом не давать спуска отщепенцам. – Это в полном смысле слова мразь. <...> Социальное обличье было потеряно давно. Утрачивалось и человеческое подобие. Осталась ненасытная остервенелая злоба фашистских гадов. Они охотно размазывали грязь на себе и на своих сообщниках, принимали на себя “моральную”, “политическую ответственность” за преступление. Но это была всё та же маскировка...».

Стратегия официальной периодики в дни суда заключалась в контрастном монтаже: позитивная жизнь большинства/отвратительные преступления злокозненного меньшинства. По словам Роберта Конквеста, «газеты вели зловонную обвинительную кампанию против подсудимых, в то же время публикуя материалы, так сказать, противоположного свойства – например, почти ежедневно давая фотографии знаменитых летчиков. <...> Таким путем симулировалась атмосфера молодости и прогресса, победа молодого сталинского поколения, а в то же время создавалось впечатление, что рассеивались темные силы, представленные на суде старыми большевиками»⁹. Дж. Брукс отмечает эту же установку медийного нарратива 1930-х гг. Реальное настоящее подменяется утопическим будущим: «Провалы между прошлым, настоящим и будущим испаряются в новом мистическом рассказе журналистов о советской жизни. Время становится путем сквозь настоящее, а не к настоящему, чем объясняется официальная одержимость мемориальными датами и “историческим”. Полеты, побивающие рекорды, были “историческими”; сталинская конституция была “историческим фактом”; советское вторжение в Польшу было “историческим решением” старой проблемы»¹⁰. В «вечной» перспективе зримы лишь достижения, недостатки же либо призрачны, либо сводимы к проискам врагов. Враги демонизируются: это не люди, имеющие определенные убеждения, но хтонические чудовища, нечисть, нарушающая «гигиеническую» стерильность социума.

Идиллический вариант оппозиции «сталинское большинство/вражье меньшинство» реализован в статье «Казачи-колхозники требуют расстрела убийц» («Правда», 21 августа): «Кубань поднялась. Кубань расцветает. <...> За один только год мы удвоили урожайность по всем колосовым культурам. <...> Полны колхозные амбары. Зерна столько, что ссыпать некуда. <...> Верите ли, птицы так много, что по улицам

проехать нельзя. <...> И как после этих побед мы можем отнестись к гнусным замыслам подлой шайки убийц...».

Вместе с тем именно на вторую половину августа 1936 г. приходится лихорадочный подъем творческой активности Хармса. Кроме «Случаев» в эти дни созданы такие хрестоматийные рассказы, как «Что теперь продают в магазинах» (19 августа), «Судьба жены профессора» (21 августа), «Сон» (22 августа) и т. д. Августовская проза – своего рода дневник, фиксация впечатлений автора о московском процессе и медийном дискурсе. При подобном подходе финальное предложение рассказа «Случаи» – «Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу» – может толковаться как отклик на упомянутую пропагандистскую оппозицию «сталинское большинство/вражье меньшинство»: хармсовские персонажи фатально оступились и сошли с пути к всенародному счастью¹¹.

В конце 1930-х гг. автор включил рассказ «Случаи» в одноименный цикл. Дневниковая функция была теперь совершенно отменена тем, что Хармс, реализуя новый обобщающий замысел, отказался от расположения рассказов в хронологической последовательности. Соответственно, эстетическая функция стала доминирующей. Цикл «Случаи» оказался, по словам исследователя, «своеобразной попыткой воссоздания картины мира с помощью особой логики искусства»¹². Он имеет собственную структуру, подчиненную выражению сквозных тем «обезличивания человека, автоматизированности бытия, замкнутости и ограниченности пространства и времени и др.»¹³

Это – с одной стороны. С другой стороны, именно рассказ «Случаи» мотивировал заглавие всего цикла. А значит, к указывавшимся в научной литературе значениям заглавного слова¹⁴ – (1) «случившееся» (т. е. происшедшее, бывшее), (2) «случайное» (т. е. произвольно взятый срез жизни), (3) манифестация «хармсовской концепции времени, определяющей оккультными воззрениями» – стоит добавить (4) газетное: «несчастный случай» (вкуче со скрытыми политическими аллюзиями)¹⁵.

Примечания

- 1 Хармс Д. Неизданный Хармс: Полн. собр. соч.: Трактаты и статьи. Письма. Дополнения / Сост., примеч. В.Н. Сажина. СПб., 2001. С. 80.
- 2 Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War. Princeton, New Jersey, 2000. P. XIII–XIV. См. анализ концепции: Одесский М.П. Рец. на: <Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War.> // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 470–473.
- 3 Ильф И., Петров Е. Золотой теленок / Подгот. текста М. Одесский, Д. Фельдман. М., 2006. С. 412.
- 4 Там же. С. 416–417.
- 5 Ср. утверждение А.А. Кобринского: «...известное высказывание Я.С. Друскина о том, что Хармс Канта не читал, – совершенно неверно», и доказа-

М.П. Одесский

- тельство противного тезиса (Кобринский А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. М., 1999. Ч. I. С. 91).
- 6 *Одесский М.П.* Абсурдизм Даниила Хармса в политико-судебном контексте // *Russian Literature*. 2006. LX (III/IV). С. 441–449.
  - 7 *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное / Сост., примеч. В.Н. Сажина. С. 330.
  - 8 О связи рассказа «Случай» с общественной ситуацией репрессий 1930-х гг. см.: *Weststejn W.G.* Daniil Charms: Absurdistisch schrijven voor de bureaula // *Weststejn W.G.* Russische literatuur. Amsterdam, 2004. P. 312.
  - 9 *Конквест Р.* Большой террор. Firenze, 1974. С. 208.
  - 10 *Brooks J.* Op. cit. P. 79.
  - 11 См. анализ лингвистического аспекта эпитета «хороший» в стихотворении Хармса «Некий Пантелей...»: по наблюдению Т.В. Цивьян, персонажи «парадоксальным способом-дракой» объединяются в «коллектив» *хороших людей* и слово «хороший» «играет роль определенного артикля» (*Цивьян Т.В.* Фольклорный текст и стихотворение Хармса: к поэтике именных цепей // *Антропология культуры*. М., 2004. Вып. 2. С. 141).
  - 12 *Кобринский А.А.* «Я участвую в сумрачной жизни» // Хармс Д. Горло бредит бритвою: Случай, рассказы, дневниковые записи. М., 1991. С. 13.
  - 13 Там же.
  - 14 *Кобринский А.А.* «Я участвую в сумрачной жизни». С. 13; *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 477.
  - 15 Также, возможно, присутствует «медицинское» значение, принятое в специальной литературе, – «случай такого-то».